

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДРУГЪ

7 октября, 19... г.

На этой carte-illustrée съ такимъ печальнымъ и величественнымъ видомъ лунной ночи у береговъ Атлантическаго океана спѣшу написать Вамъ мою горячую благодарность за Вашу послѣднюю книгу. Эти берега — моя вторая родина, это послѣдняя граница европейскихъ владѣній Британіи, — видите, изъ какого далека шлетъ Вамъ привѣтъ одинъ изъ Вашихъ неизвѣстныхъ друзей. Будьте счастливы и да сохранитъ Васъ Богъ.

8 октября.

Вотъ еще одинъ видъ той одинокой страны, куда навѣки забросила меня судьба.

Вчера подъ ужаснымъ дождемъ, — у насъ вѣчный дождь, — ѣздила по дѣламъ въ городъ, случайно купила Вашу книгу и читала ее не отрываясь на возвратномъ пути на виллу, гдѣ мы живемъ круглый годъ изъ-за моего слабаго здоровья. Отъ дождя, отъ тучъ было почти темно, цвѣты и зелень въ садахъ были необыкновенно ярки, пустой трамвай шелъ быстро, кидая фіолетовыя вспышки, а я читала, читала и, неизвѣстно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой.

Прощайте, еще разъ благодарю Васъ. Хочется еще что-то сказать Вамъ, но что? Не знаю, не умѣю опредѣлить.

10 октября.

Не могу удержаться и опять пишу Вамъ. Думаю, что Вы получаете такихъ писемъ слишкомъ много. Но вѣдь все это отклики именно тѣхъ человѣческихъ душъ, для которыхъ и творите Вы. Такъ зачѣмъ же мнѣ молчать? Вы первый вступили въ общеніе со мной, выпустивъ въ свѣтъ, то есть и для меня, свою книгу...

И нынче цѣлый день сыплется дождь на нашъ почти естественно зеленый садъ и въ комнатѣ у меня сумрачно и съ утра топится каминъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать Вамъ многое, но вѣдь Вы знаете лучше другихъ, какъ это трудно, почти невозможно — высказывать себя. Я все еще подъ впечатлѣніемъ чего-то непонятнаго и неразрѣшающагося, но прекраснаго, чѣмъ я обязана Вамъ, — объясните, что это такое, это чувство? И что вообще испытываютъ люди, подвергаясь воздѣйствію искусства? Очарованіе отъ человѣческой умѣлости, силы? Возбужденное желаніе личнаго счастья, которое всегда, неугасимо живетъ въ насъ и особенно оживаетъ подъ вліяніемъ чего-нибудь дѣйствующаго чувственно, — музыки, стиховъ, какого-нибудь образнаго воспоминанія, какого-нибудь запаха? Или же это радость ощущенія божественной прелести человѣческой души, которую открываютъ намъ немногіе, подобные Вамъ, напоминаю-

щіе, что она все-таки есть, есть, эта божественная прелесть? Вотъ я что-нибудь читаю, — иногда даже что-нибудь ужасное, — и вдругъ говорю: Боже, какъ это прекрасно! Что это значитъ? Можетъ быть, это значитъ: какъ все-таки прекрасна жизнь!

До свиданья, скоро еще напишу Вамъ. Думаю, что въ этомъ нѣтъ никакой не деликатности, что это принято — писать писателямъ. Кромѣ того, Вы вѣдь можете и не читать моихъ писемъ... хотя, конечно, мнѣ это будетъ очень грустно.

Ночью.

Простите, это можетъ прозвучать дурно, но не могу не сказать: я не молода, у меня дочь пятнадцати лѣтъ, совсѣмъ уже барышня, но я была когда-то не совсѣмъ дурна и не слишкомъ рѣзко измѣнилась съ тѣхъ... Мнѣ все-таки не хочется, чтобы Вы представляли себѣ меня не такой, какая я есть.

11 октября.

Я написала Вамъ въ силу потребности раздѣлить съ Вами то волненіе, которое произвелъ на меня Вашъ талантъ, дѣйствующій, какъ печальная, но возвышенная музыка. Зачѣмъ это нужно — раздѣлить? Я не знаю, да и Вы не знаете, но мы оба хорошо знаемъ, что эта потребность человѣческаго сердца неискоренима, что безъ этого нѣтъ жизни и что въ этомъ какая-то великая тайна. Вѣдь и Вы пишете только въ силу этой потребности и даже болѣе — Вы отдаете ей всего себя всецѣло.

Я всегда много читала, — и много вела дневниковъ, какъ всѣ неудовлетворенные жизнью люди, — много читаю и теперь читала и Васъ, но мало, больше знала Васъ лишь по имени. И вотъ эта Ваша новая книга... Какъ это странно! Чья-то рука гдѣ-то и что-то написала, чья-то душа выразила малѣйшую долю своей сокровенной жизни малѣйшимъ намекомъ, — что можетъ выразить слово, даже такое, какъ Ваше! — и вотъ вдругъ исчезаетъ пространство, время, разность судебъ и положеній, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими общими. Поистинѣ только одна, единая есть душа въ мірѣ. И развѣ не понятнѣе послѣ этого мой порывъ написать Вамъ, что-то высказать, что-то раздѣлить съ Вами, на что-то пожаловаться? Развѣ Ваши произведенія не то же самое, что мои письма къ Вамъ? Вѣдь и Вы что-то и кому-то высказываете, посылаете свои строки кому-то невѣдомому и куда-то въ пространство. Вѣдь и Вы жалуетесь, чаще всего только жалуетесь, потому что жалоба, иными словами, мольба о сочувствіи, наиболѣе неразлучна съ человѣкомъ: сколько ея въ пѣсняхъ, молитвахъ, стихахъ, любовныхъ изліяніяхъ!

Может быть, Вы ответите мне, хотя двумя словами? Ответьте!

13 октября.

Опять пишу Вам ночью, уже в спальне, мучимая непонятным желанием сказать то, что так легко обозвать наивностью, что скажется во всяком случае не так, как чувствуется. А хочется мне сказать в сущности очень немногое: только то, что мне очень грустно, очень жаль себя — и что я все-таки счастлива этой грустью и тем, что мне жаль себя. Мне грустно думать, что я где-то в чужой стране, на самых западных берегах Европы, на какой-то вилле за городом, среди осенней ночной темноты и тумана с моря, идущаго вплоть до Америки. Грустно, что я одна не только в этой уютной и прелестной комнате, но и во всем мире. И всего грустнее, что Вы, которого я выдумала и от которого уже чего-то жду, так бесконечно далеко от меня и так мне неизвестны и, конечно, что бы я там ни говорила, так чужды мне и так правы в этом...

В сущности, все в мире прелестно, даже вот этот абакур на лампе и ея золотистый свет, и сверкающее белое на моей уже открытой постели, и мой халат, моя нога в туфле и моя худая рука в широком рукаве. И всего бесконечно жаль: к чему все? Все проходить, все пройти и все тцетно, как и мое вечное ожидание чего-то, замняющее мне жизнь...

Очень прошу — напишите мне. Конечно, два-три слова, только для того, чтобы я знала, что Вы слышите меня. Простите мою настойчивость.

15 октября.

Это наш город, наш собор. Пустынные скалистые берега, — моя первая carte-postale к Вам, — дальше, сверяйте. Но и город, собор — все угрюмо, черно у нас. Гранит, шифер, асфальт и дождь, дождь...

Да, напишите мне кратко, я очень хорошо понимаю, что Вам нечего сказать мне, кроме двух-трех слов, и, поверьте, ни чуть не буду в обиду. Но напишите, напишите!

21 октября.

Увы, письма от Вас нет. А прошло уже пятнадцать дней с тех пор, как я написала Вам в первый раз...

Но может быть, Ваш издатель еще не переслал Вам моих писем? Может быть, Вас отвлекают срочные занятия, светская жизнь? Это очень грустно, но все же лучше, чем думать, что Вы просто пренебрегли моей просьбой. Думать так очень обидно и больно. Вы скажете, что я не имею никакого права на Ваше внимание и что, следовательно, ни обиду, ни боли не может быть места. Но точно ли не имею я этого права? А может быть, оно уже есть у меня, раз я испытала известное чувство к Вам? Развѣ был, например, хоть один Ромео, который не требовал бы взаимности даже и без всяких оснований, или Отелло, который ревновал бы по праву? Оба они говорят: раз я люблю, как можно не любить меня, как можно изменять мне? Это не простое хотѣние, чтобы меня любили, это гораздо сложнее и больше. Раз я что-нибудь или кого-нибудь люблю, это уже мое, во мне... Впрочем, не умею объяснить Вам этого как следует, знаю только, что так казалось и кажется людям всегда, и чувствую, что тут скрывается что-то очень глубокое. Все дивно, все непонятно в мире...

Впрочем, как бы там ни было, а ответа от Вас нет, а я опять пишу. Неожиданно выдумала, что Вы мне чем-то близки, — хотя опять-таки выдумала ли? — и сама повѣрила своей выдумке и упорно стала писать Вам и уже знаю, что, чем больше буду писать Вам, тем все необходимее будет для меня дѣлать это, потому что все болѣе будет усиливаться какая-то связь между мною и Вами. Я Вас не представляю себе, совсѣм не вижу даже Вашего физического облика. Так кому же я пишу? Себе самой? Но все равно. Вѣдь и я — Вы. И все же — отзовитесь!

22 октября.

Нынче дивный день, на душе у меня легко, окна открыты и солнце и теплый воздух напоминают о весне. Странный этот край! Летом дождливо и холодно, осенью, зимой — дождливо и тепло, но порой выпадают такие прекрасные дни, что не знаешь: зима это или итальянская весна? О, Италия, Италия и мои восемнадцать лет, мои надежды, моя радостная доверчивость, мои ожидания на пороге жизни, которая была вся впереди и вся в солнечном тумане, как горы, долины и цветущие сады вокруг Везувия! Простите, знаю, что все это слишком не ново, но что мне до того?

Ночью.

Может быть, Вы оттого не написали мне, что я для Вас слишком отвлеченна? Тогда вот еще несколько черт моей жизни. Я уже шестнадцать лет замужем. Мой муж француз, я познакомилась с ним однажды зимой на французской Ривьерѣ, вѣнчалась в Римѣ, а послѣ свадебнаго путешествія по Италиі навсегда поселилась здѣсь. У меня трое дѣтей, мальчик и две дѣвочки. Люблю ли я их? Да, но все же не так, как чаще всего любят матери, видящая жизнь только в семье, в дѣтях. Пока дѣти были маленькими, я за ними непрестанно ухаживала, раздѣляла с ними все их игры и занятія, но теперь они во мне больше не нуждаются, и у меня много свободного времени, которое я провожу в чтении. Родные мои далеко, наши жизни разошлись, и общих интересов у нас так мало, что мы даже переписываемся очень редко. В связи с положением моего мужа мне часто приходится бывать в обществе, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерах и обѣдах. Но друзей и подруг у меня нет. На здѣшних дам я не похожа, а во дружбу между мужчиной и женщиной я не вѣрю...

Но довольно обо мне. Если ответите, скажите хоть что-нибудь о себе. Какой Вы? Где Вы постоянно живете? Любите ли Вы Шекспира или Шелли, Гете или Данте, Бальзака или Флобера? Любите ли музыку и какую? Женаты ли Вы? Связаны ли Вы уже накучившей связью или у Вас есть невеста в той нѣжной и прекрасной порѣ, когда все ново и радостно, когда еще нет воспоминаний, которые только томить, обманывают, будто было счастье, непонятое и неиспользованное?

Напишите мне, если можете!

1 ноября.

Письма от Вас нет. Какое мучение! Такое мучение, что я иногда проклинаю день и час, когда рѣшилась написать Вам...

И хуже всего то, что изъ этого нет выхода. Сколько бы я ни увѣряла себя, что письма не будут, что мне нечего ждать, я все-таки жду: кто же может поручиться, что его действительно не будет? Ах, если бы твердо знать, что Вы не напишете! Я была бы даже и этим счастлива. Впрочем, нет, нет, надѣяться все-таки лучше. Я надѣюсь, я жду!

3 ноября.

Письма нет, и мои мучения продолжают...

Впрочем, тяжелы только утренние часы, когда я с неестественным спокойствием и медлительностью, но с холодными от скрытаго волнения руками одѣваюсь, выхожу к кофе, прохожу музыкальный урок с дочерью, которая разучивает его так трогательно прилежно и сидит за пианино так прямо, так прелестно прямо, как умѣют это только дѣвочки по пятнадцатому году. В полдень приходит наконец почта, я бросаюсь к ней, ничего не нахожу — и почти успокаиваюсь до слѣдующаго утра...

А нынче опять прелестный день. Низкое солнце ясно и кротко. В саду много гольих, черных деревьев, цветут осенние цветы. И что-то тонкое, голубое, необыкновенно прекрасное в долинах, за вѣтвями сада. И в сердце благодарность кому-то и за что-то. За что? Вѣдь ничего нет и не будет...

хотя так ли это, точно ли ничего нет, раз она уже есть, эта умиляющая душу благодарность?

Благодарю и Вас за то, что Вы дали мне возможность выдумать Вас. Вы меня никогда не узнаете, никогда не встретите, но и в этом много печальной прелести. И, быть может, хорошо, что Вы не пишете, что Вы не написали мне ни слова и что я совсѣм не вижу Вас живым. Развѣ я могла бы говорить с Вами и чувствовать Вас так, как сейчас, если бы я Вас знала, даже если бы имѣла хоть одно письмо от Вас? Вы непременно были бы уже не такой, непременно чуть-чуть хуже, и мне было бы менѣе свободно писать Вам...

Свѣжеть, а я все не закрываю окна и все смотрю в голубую дымку низменностей и холмов за садом. И это голубое мучительно прекрасно, мучительно потому, что непременно нужно что-то сдѣлать с ним. Что сдѣлать? Я не знаю. Мы ничего не знаем!

5 ноября.

Это похоже на дневник, но это все-таки не дневник, потому что теперь у меня есть читатель, пусть хотя бы и предполагаемый...

Что побуждает писать Вас? Желание рассказать что-нибудь или высказать (хоть бы и иносказательно) себя? Конечно, второе. Девять десятых писателей, даже самых славных, только рассказчики, то есть в сущности не имѣют ничего общаго съ тем, что может достойно называться искусством. А что такое искусство? Молитва, музыка, пѣсня человеческой души... Ах, если бы оставить послѣ себя хоть несколько строк о том, что вот и я жила, любила, радовалась, что и у меня была молодость, весна, Италия... что есть далекая страна на берегах Атлантического океана, где я живу, люблю и все еще чего-то жду даже и теперь... что есть в этом океанѣ дикіе и бѣдные острова и дикая, бѣдная жизнь каких-то чуждых всему миру людей, ни происхождения, ни темнаго языка, ни дѣли существованія которых не знает и никогда не узнает никто...

Я все-таки жду, жду письма. Теперь это уже как бы навязчивая идея, родъ душевной болѣзни.

7 ноября.

Да, все дивно. Письма, конечно, нет, нет и нет. И представьте себе: потому что нет этого письма, нет ответа от человека, которого я никогда не видала и не увижу, нет отклика на мой голос, брошенный куда-то в даль, в свою мечту, у меня чувство страшнаго одиночества, страшнаго пустоты мира. Пустоты, пустоты!

И опять дождь, туман, будни. И это даже хорошо, то есть обычно, так, как надо. Это меня успокаивает.

До свиданія, да простит Вам Бог Вашу жестокость. Да, все-таки это почти жестоко.

8 ноября.

Три часа, а уже совсѣм сумерки от тумана и дождя. А в пять у нас чай с гостями.

Пріѣдутъ подъ дождемъ, въ автомобиляхъ, изъ мрачнаго города, который въ дождь еще чернѣе со своимъ чернымъ мокрымъ асфальтомъ, черными мокрыми крышами и чернымъ гранитнымъ соборомъ, остріе котораго уносится въ дождь и мглу...

Я уже одѣта и какъ бы жду выхода на сцену. Жду того момента, когда я буду говорить все то, что полагается, буду любезна, оживлена, заботлива и только немного блѣдна, что такъ легко объяснить этой ужасной погодой. И, одѣтая, я какъ будто помолодѣла, чувствую себя старшей сестрой своей дочери и каждую минуту готова заплакать. Я все-таки пережила что-то странное, похожее на любовь. Къ кому? Въ силу чего? Непостижимо, но именно такъ.

Прощайте, я уже ничего не жду, — говорю это совершенно искренно и твердо.

10 ноября.

Прощайте, мой невѣдомый другъ. Кончаю свои безответныя письма темъ же, чемъ и начала, — благодарностью. Благодарю Вас, что Вы не отозвались. Было бы хуже, если бы было иначе. Что бы Вы могли сказать мне? И на чемъ могли бы мы с Вами, безъ чувства неловкости, прервать переписку? И что бы я нашла сказать Вамъ еще, кромѣ сказаннаго? Больше у меня ничего нетъ, — я все сказала. В сущности о всякой человеческой жизни можно написать только два-три строки. О, да. Только два-три строки.

Со страннымъ чувствомъ, — точно я кого-то потеряла, — опять остаюсь одна, со своимъ домомъ, близостью туманнаго океана, осенними и зимними буднями. И опять возвращаюсь къ спокойному дневнику, странную надобность котораго, равно какъ и Вашихъ писаній, знаетъ только Богъ.

Нѣсколько дней тому назадъ видѣла Васъ во снѣ. Вы были какой-то странный, молчаливый, сидѣли въ углу темной комнаты и были не видны. А все-таки я Васъ видѣла. Но и во снѣ я чувствовала: какъ можно видѣть во снѣ того, кого никогда не видѣлъ въ жизни? Вѣдь только Богъ творитъ изъ ничего? И почему-то было очень жутко, и я проснулась въ страхѣ, съ тяжелымъ чувствомъ.

Черезъ пятнадцать, двадцать летъ не будетъ, вѣроятно, ни меня, ни Васъ въ этомъ мирѣ. До встрѣчи въ иномъ! Кто можетъ быть увѣренъ, что его нетъ? Вѣдь мы не понимаемъ даже своихъ собственныхъ сновъ, созданий своего собственнаго воображенія. Наше ли оно, это воображеніе, то есть, говоря точнѣе, то, что мы называемъ нашимъ воображеніемъ, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли волѣ подчиняемся мы, стремясь къ той или иной душе, какъ я стремилась къ Вашей?

Прощайте. Или нетъ, все-таки до свиданія.

Приморскія Альпы, 1923 г.

Ив. Бунинъ

